

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДПИСАНИЙ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Асланян Р.Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Асланян Р.Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(3):87–94. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Асланян Руслан Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.07.2022

Статья принята к печати: 29.08.2022

Дата публикации: 12.09.2022

Аннотация: Целью исследования является анализ проблематики систематизации нормативных предписаний особенной части уголовного права, которая имеет глубокую предопределенность основными направлениями уголовной политики страны, и согласно логике обратной связи может влиять на содержание реализуемого уголовно-политического курса. Взаимосвязь процесса дифференциации уголовной ответственности, как ключевого направления уголовной политики, и внешней формы структурирования особенной части уголовного права предполагает решение следующих задач: а) создание в пределах глав особенной части УК РФ двух отделений – об ответственности за преступления и об ответственности за проступки – в целях дифференциации публичных правонарушений; б) размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы особенной части в целях обеспечения системности дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: система особенной части уголовного права, уголовный закон, уголовно-правовой институт, дифференциация уголовной ответственности, уголовный проступок, квалифицирующие признаки состава преступления.

DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY AND SYSTEMATIZATION OF PRESCRIPTIONS OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Aslanyan R.G. Differentiation of responsibility and systematization of prescriptions of a special part of criminal law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(3):87–94. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>

CONTACT INFORMATION:

Ruslan G. Aslanyan, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.07.2022

The article has been accepted for publication: 29.08.2022

Date of publication: 12.09.2022

Annotation: The purpose of the study is to analyze the problems of systematization of normative prescriptions of a special part of criminal law, which has a deep predestination by the main directions of the criminal policy of the country, and according to the logic of feedback can influence the content of the implemented criminal policy. The interrelation of the process of differentiation of criminal responsibility, as a key direction of criminal policy, and the external form of structuring of the special part of criminal law involves the solution of the following tasks: a) the creation within the chapters of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation of two departments – on responsibility for crimes and on responsibility for misconduct – in order to differentiate public offenses; b) placement of qualifying features common to a certain group of crimes in a separate article at the beginning of the chapter of the special part in order to ensure the systematic differentiation of criminal responsibility.

Keywords: the system of the special part of criminal law, criminal law, criminal law institute, differentiation of criminal responsibility, criminal offense, qualifying signs of the corpus delicti.

Введение

Проблемы оптимизации и модернизации уголовного права, в том числе его особенной части, будучи объективными и неизбежными на любой стадии его развития (вне зависимости от того, идет ли речь об этапе разработки нового кодекса или этапе текущего правотворчества), в настоящий момент приобрели характер важнейшей задачи.

Нет смысла на страницах настоящей работы анализировать или хотя бы перечислять обширный список научных публикаций и законопроектных предложений, направленных на совершенствование особенной части уголовного закона. Достаточно сказать, что все они, условно, но вполне отчетливо делятся на две большие и неравновесные группы. Наиболее объемная посвящена вариантам содержательной коррекции отдельных нормативных предписаний или их групп. Существенно меньшее внимание в литературе уделяется вопросам их систематизации и структурирования. При этом весьма часто постановка общей проблемы совершенствования системы предписаний особенной части уголовного права на деле заканчивается исследованием частных вопросов – оптимизации используемой законодателем терминологии [3, с. 382], коррекции некоторых положений закона [5], оптимизации законотворческого процесса [7], что очевидно является методологическим упущением авторов.

С учетом этой констатации, полагаем необходимым сформулировать несколько исходных тезисов дальнейшего исследования. Во-первых, систематизация нормативных предписаний особенной части уголовного права является самостоятельным направлением научного анализа и практической деятельности. Во-вторых, подмена формальных аспектов совершенствования закона содержательными (и наоборот) недопустима. В-третьих, исследование проблем систематизации нормативных предписаний на современном этапе развития уголовного права, когда явно обнаруживают и со всей силой проявляют себя процессы разбалансированности отрасли, когда все отчетливей становится необходимость разработки и принятия нового уголовного закона, выходят на передний план, поскольку их обсуждение позволяет не просто корректировать текущее правотворчество, но и определять перспективные пути решения важнейших уголовно-политических задач и в целом влиять на эффективность уголовно-правового регулирования. Прав в этом отношении В.Ю. Долгий, когда пишет, что внутреннее строение уголовного закона выступает важным показателем его эффективности, «ведь от того, насколько он логически выверен, в какой мере в нем

учтены идеи системности и иерархичности подачи нормативно-правового массива, зависит качество нормотворческой и правоприменительной деятельности в уголовно-правовом поле» [3, с. 382].

Сосредотачивая свой анализ на проблемах совершенствования системы особенной части уголовного права как таковой, подчеркнем, что в своих философских основаниях они восходят к известной диалектике формы и содержания. «Форма» при этом не есть нечто вторичное и неважное по отношению к «содержанию» и в то же время она не поглощает собой содержание, не затмевает его. «Содержание, как содержание, не покрывается и не поглощается никакой формой. Часто говорят, что формализация – замена содержательного рассуждения формальными преобразованиями. Но такое утверждение абсолютно несостоятельно, потому что содержание не может быть заменено формой» [10, с. 16]. Исследование формы не есть проявление формализма. Общеизвестно: содержание всегда оформлено, а форма – содержательна. В силу этого, не только содержание определяет форму, но и форма способна придать содержанию принципиально иное качество.

В связи с этим, *вопрос о системе и систематизации предписаний особенной части уголовного права неразрывно связан с содержанием этих предписаний и теми уголовно-политическими задачами, которые решает (должно решить) государство.*

Принимая во внимание, что весь спектр сложных взаимосвязей систематизации уголовного права и уголовно-политических задач, которые решаются при ее помощи, на страницах данной публикации рассмотреть объективно невозможно, дальнейшее изложение материала будет посвящено только одному, но крайне важному аспекту: взаимосвязи процессов дифференциации ответственности и систематизации предписаний особенной части уголовного права.

Методы исследования

В ходе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, в числе которых диалектический, логический, системного анализа, технико-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Анализ проблем взаимосвязи процессов дифференциации ответственности и систематизации нормативных предписаний особенной части уголовного права, позволяет сделать следующие основные выводы:

– правильная систематизация нормативных предписаний особенной части уголовного права является не просто вопросом совершенствования внешней формы, но и вопросом оптимизации содержания права, позволяя корректировать текущие правотворческие ситуации, обеспечивать решение важнейших уголовно-политических задач и в целом влиять на эффективность уголовно-правового регулирования;

– необходимая в рамках единой уголовно-правовой сферы дифференциация публичных правонарушений на три группы: преступления, проступки и нарушения – требует оптимальной юридико-технической формы своего отражения; представляется что в этих целях достаточно сохранения двух кодифицированных законов – КоАП РФ и УК РФ, с той однако спецификой, чтобы глава особенной части УК РФ содержала два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки;

– совершенствование практики дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков предполагает: пересмотр их номенклатуры; «вынесение» признаков, общих для всех или для большинства составов преступлений, в общую часть с установлением специальных правил назначения наказаний в случае их наличия; размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы особенной части с сохранением при этом системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания.

Научная дискуссия

Дифференциация правонарушений и юридико-техническое строение особенной части уголовного права.

Существенным аспектом развития современного уголовного права является проблема дифференциации уголовных правонарушений. В науке ей уделяется пристальное внимание с изложением как положительных, так и отрицательных аргументов, содержание которых хорошо известно всем профессиональным участникам дискуссии [4; 6; 11; 13]. Этот вектор научного диспута закономерно продиктовано несколькими обстоятельствами: отсутствием окончательной ясности в

вопросе о соотношении преступлений и административных правонарушений, не вполне удовлетворительным решением вопросов нормативной категоризации преступлений, неопределенной природой малозначительного деяния, законодательными инициативами о введении в закон категории уголовного проступка, воспринятой в науке и на практике в рамках единой уголовно-правовой сферы. Должно быть понятно, что разрешить весь комплекс возникающих здесь проблем в рамках настоящего исследования не представляется возможным, равно как невозможно их разрешить, оставаясь в пределах существующих законодательных решений и конструкций. В силу этого дальнейшие рассуждения могут претендовать лишь на постановку тезисов, отражающих авторский подход к некоей мыслимой идеальной модели дифференциации правонарушений и их отражения в тексте нормативных актов. Представляется, в частности, что:

- преступления и административные правонарушения обладают единой природой публичных правонарушений, различающихся степенью общественной опасности;

- дихотомия правонарушений на преступления и административные правонарушения не является в современных условиях достаточной, потребности практики обуславливают необходимость обособления третьей группы правонарушений с условным названием «уголовный проступок»;

- преступления, проступки и нарушения должны влечь различающиеся правовые последствия для лиц, их совершающих, в части возможных видов применяемого наказания, учета судимости, возможности освобождения от ответственности и т.д.;

- различные виды правонарушений должны предопределять формы предварительного расследования, особенности судебного производства, систему органов, уполномоченных на применение санкций;

- номенклатура уголовных проступков не может быть составлена лишь на основе пересмотра опасности преступлений, предусмотренных уголовным законом, но требует системного переосмысления всего комплекса и преступлений, и административных правонарушений;

- посягательства не на каждый правоохраняемый объект могут быть дифференцированы на нарушения, проступки и преступления, в некоторых ситуациях ценность объекта и опасность его повреждения могут обуславливать существование только преступлений либо преступлений и проступков, либо проступков и нарушений.

Дифференциация публичных правонарушений на три группы ставит закономерный вопрос об оптимальной юридико-технической форме ее отражения. Потенциально здесь может существовать три решения: а) сведение всех публичных правонарушений в рамки единого закона по образцу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; б) создание трех самостоятельных законов (кодексов) об ответственности за нарушения, проступки и преступления; в) компромиссный вариант, предполагающий создание двух кодексов (либо кодекс нарушений и проступков плюс кодекс преступлений, либо кодекс нарушений плюс кодекс преступлений и проступков).

Анализ литературных источников по теме, исследование исторического и зарубежного опыта показывает, что далеко не каждый из этих вариантов является жизнеспособным. В действительности существует две альтернативы. Первая – создание самостоятельного кодекса уголовных проступков, наряду с УК РФ и КоАП РФ, на основе концепции институциональной кодификации уголовно-правовых предписаний¹. Вторая – включение системы проступков в текст уголовного закона. Обосновывая эту идею Е.В. Рогова предлагает, в частности, дополнить УК РФ разделом XIII «Уголовные проступки», в котором предусмотреть соответствующие составы². Аналогичный подход, правда с вычленением не раздела, а «отделения» в структуре особенной части уголовного закона, предлагают и иные авторы [1 с. 23–26; 2].

Представляется, однако, что такие решения не вполне удовлетворительны.

Создание отдельного кодекса проступков с неизбежностью повлечет за собой многократное дублирование нормативного материала в двух кодексах – преступлений и проступков, что вряд ли оправданно. К тому же наличие двух законов может создать дополнительные сложности и при описании диспозиций смежных правовых предписаний о проступках и преступлениях, и в процессе применения их на практике, а также в теоретической интерпретации правовой природы проступков.

¹ См.: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 149–150.

² См.: Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014.

Выделение же в структуре действующего УК РФ отдельного раздела (отделения) с изложением перечня проступков общим списком (как это следует из работы Е.В. Роговой) поставит серьезные проблемы внутренней систематизации предписаний об ответственности за проступки и установления объекта соответствующих деяний в целях их правильной квалификации.

В целом надо отметить, что вопрос о юридико-техническом оформлении подсистемы уголовных проступков в системе правовых предписаний особенной части уголовного права исследован в отечественной литературе недостаточно. Между тем, его значимость нельзя недооценивать, равно как нельзя игнорировать уже имеющийся в целом позитивный и проверенный опыт имплементации предписаний о проступках в ткань уголовного законодательства.

Анализ законодательства некоторых зарубежных стран позволяет выявить здесь несколько моделей.

Первую демонстрирует Испания. Испанский законодатель в структуре особенной части уголовного закона выделил две книги: книгу II «Преступления и наказания» и книгу III «Проступки и наказания за них» (как это, собственно, предлагается в работе Е.В. Роговой). Однако предусмотрительно провел систематизацию проступков внутри книги III по отдельным разделам на основе объекта посягательств (проступки против личности, против собственности, против общих интересов, против общественного порядка)¹.

Вторая модель представлена в УК Швейцарии². Здесь в рамках единой особенной части выделяются (там, где возможна градация правонарушений) разделы о преступлениях и проступках, с той лишь особенностью, что внутри самого раздела нет формальной градации этих деяний; она проводится законодателем и правоприменителем на основе критериев, установленных в общей части закона.

Наконец, третья, и на наш взгляд, самая удачная модель представлена в законодательстве таких стран, как Франция, Сан-Марино³. При линейном (как в Швейцарии) построении особенной части (то есть без выделения предписаний о проступках в самостоятельную структурную единицу особенной части по образцу Испании), законодатель внутри каждого раздела особенной части, выделенного на основании объекта правовой защиты, провел дифференциацию преступлений и проступков на уровне отдельных подразделов (к примеру, глава VI УК Сан-Марино включает в себя описание таких групп деяний, как умышленные преступления, неумышленные преступления и проступки).

Думается, что этот опыт вполне может быть востребован и реализован в ситуации обособления уголовных проступков в системе публичных правонарушений. *В рамках единого УК РФ глава особенной части могла бы содержать два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки.*

Дифференциация уголовной ответственности и юридико-техническое строение особенной части уголовного права

Надлежащая дифференциация уголовной ответственности обоснованно признается одним из важнейших направлений уголовно-правовой политики, predetermined уголовно-правовыми принципами гуманизма, справедливости и равенства. Среди множества инструментов, обеспечивающих дифференциацию ответственности, в рамках особенной части особо выделяются квалифицирующие признаки, описание которых в диспозиции уголовно-правового предписания сопровождается усилением санкции.

Теория квалифицирующих признаков имеет богатую библиографию, что избавляет нас от необходимости ее анализа. В контексте рассматриваемой проблематики важнее обратить внимание на вопрос о влиянии данной теории на систематизацию предписаний особенной части уголовного права, который к тому же непосредственно связан с проблемами гуманизации законодательства и пределами судебного усмотрения.

В литературе было высказано мнение о том, что использование квалифицирующих признаков – «тупиковый путь» развития уголовного закона [12, с. 53]. В том числе развивая его, некоторые

¹ См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой. Москва: Зерцало; 1998.

² Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб.: Юридический центр пресс; 2002.

³ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова. СПб.: Юридический центр Пресс; 2002; Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред., вступит. ст. С.В. Максимова. СПб.: Юридический центр Пресс; 2002.

специалисты предлагают перенести все квалифицирующие признаки в общую часть уголовного закона, отождествив их с отягчающими наказание обстоятельствами [9], с установлением для суда возможности при их наличии в любом составе увеличивать размер наказания»¹. Однако надо сознавать, что такое решение, во-первых, предполагает потенциальное увеличение наказания лишь в пределах санкции части первой того или иного предписания особенной части, что повлечет за собой либо безусловное и потому неоправданное смягчение наказания, либо необходимость увеличения размера санкций за преступления с основным составом, что противоречит общей логике и принципам развития уголовного права. Во-вторых, его реализация с неизбежностью связана с увеличением пределов судебного усмотрения, что также не является приемлемым. С учетом этих обстоятельств рассматриваемые рекомендации по совершенствованию закона не могут быть оцениваться в качестве перспективных.

Иное решение проблемы юридико-технического оформления квалифицирующих признаков предложила Т.А. Лесниевски-Костарева. Она предлагает, среди прочего, «разгрузить» диспозиции статей особенной части уголовного закона и предусмотреть в структуре той или иной главы особенной части отдельную, самостоятельную статью с описанием квалифицирующих признаков, свойственных посягательствам на соответствующий родовой объект [10, с. 174–175]. Это, с одной стороны, весьма разумное предложение, призванное обеспечить системность дифференциации уголовной ответственности. Однако, с другой стороны, оно не проработано в полной мере. Автор пишет, что в этой статье, описывающей общие для определенной группы преступлений квалифицирующие признаки, следует «обозначить степень влияния этих признаков». Но не поясняет, что это значит. Если такое «влияние» будет описано по аналогии с правилами, установленными в ст. 68 УК РФ, то оно вызовет те же проблемы, что и в случае реализации предложений о переносе квалифицирующих признаков в общую часть уголовного закона. Если же это «влияние» будет описываться посредством конструирования новой санкции, с повышенными размерами, то оно встретит серьезные препятствия, связанные с тем, что «исходная точка» – санкция за преступление с основным составом будет различной в различных преступлениях.

Таким образом, можно констатировать, что сформулированные в науке предложения по юридико-техническому совершенствованию квалифицирующих признаков на деле оказываются непрактичными.

Признавая необходимость оптимизации нормативной практики дифференциации ответственности посредством квалифицирующих признаков, заметим, что она может быть реализована посредством нескольких взаимосвязанных решений. Во-первых, действительно, *имеет смысл часть квалифицирующих признаков, общих для всех (или по крайней мере, для большинства) составов преступлений, «вынести» в общую часть*, установив специальные правила назначения наказаний в случае их наличия (например, совершение преступлений в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы). Во-вторых, *необходимо переосмыслить возможность признания некоторых обстоятельств квалифицирующими признаками* (например, случаи совершения преступления с применением насилия вполне могут быть оценены по правилам совокупности преступлений, равно как и ситуации совершения одного преступления, сопряженного с другим). В-третьих, следуя логике рассуждений Т.А. Лесниевски-Костаревой и разделяя систему ее аргументов, полагаем, что *ряд квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, может быть помещен в отдельную статью*. В-четвертых, реализация этого предложения не исключает, но напротив, предполагает *сохранение системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами*, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания.

Список использованной литературы:

1. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в стратегии развития уголовного права России в XXI веке. *Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов V Международной научно-*

References:

1. Gavrillov B.Ya. [Criminal misconduct in the strategy of development of criminal law in Russia in the XXI century]. *Fighting crime: theory and practice: Abstracts of reports of the V International Scientific-Practical*

¹ См.: Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 21.

- практической конференции, посвященной 100-летию образования милиции Беларуси. Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2017.
2. Голенко Д.В. О месте уголовных проступков в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. *Общество и право*. 2021;(4(78)):40–45.
3. Долгий В.Ю. Соблюдение системности при формировании Особенной части УК РФ. *Novaum.ru*. 2018;(16):382–386.
4. Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку. *Законность*. 2021;(2(1036)):45–46.
5. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положений реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2014;(1):84–92.
6. Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ. *Российская юстиция*. 2021;(3):25–29. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-3-25-29.
7. Кобец П.Н. Основные направления совершенствования российского уголовного законодательства. *Инновационная наука*. 2016;(12–2):167–169.
8. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. (Монография). Москва: Норма; 1998.
9. Малинин В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация. *Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 года*. Москва: Юрлитинформ; 2013.
10. Мареев С.Н. Диалектика содержания и формы и проблема формализации. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2017;(24(273)):15–26.
11. Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе межотраслевой охраны общественных отношений. *Академический юридический журнал*. 2021;22(3(85)):245–252. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).245-252.
12. Тер-Акопов А.А. Защита личности – принцип уголовного права. *Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства*. Москва: Изд-во ИГиП РАН; 1994.
13. Шеслер А.В. Виды уголовно-противоправных деяний. *Вестник Томского государственного*
- Conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the police of Belarus. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2017. (In Russ.)]*
2. Golenko D.V. [About the place of criminal offenses in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2021;(4(78)):40–45. (In Russ.)]
3. Dolgii V.Yu. [Compliance with consistency in the formation of a special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Novaum.ru*. 2018;(16):382–386. (In Russ.)]
4. Zvecharovskii I.Eh. [On the way to a criminal offense]. *Zakonnost' = Legality*. 2021;(2(1036)):45–46. (In Russ.)]
5. Inogamova-Khegai L.V. [Conceptual provisions of reforming the Criminal Code of the Russian Federation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2014;(1):84–92. (In Russ.)]
6. Kapinus O.S. [Legislative initiatives on the regulation of criminal misconduct in the Criminal Code of the Russian Federation: a critical analysis]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2021;(3):25–29. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-3-25-29. (In Russ.)]
7. Kobets P.N. [The main directions of improvement of the Russian criminal legislation]. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2016;(12–2):167–169. (In Russ.)]
8. Lesnievski-Kostareva T.A. [Differentiation of criminal responsibility: theory and legislative practice]. Moscow: Norma; 1998. (In Russ.)]
9. Malinin V.B. [Criminal legislation requires not modernization, but codification]. *Problems of codification of criminal law: history, modernity, future (dedicated to the 200th anniversary of the draft Criminal Code of 1813): Proceedings of the VIII Russian Congress of Criminal Law, May 30-31, 2013*. Moscow: Yurilitinform; 2013. (In Russ.)]
10. Mareev S.N. [Dialectics of content and form and the problem of formalization]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Scientific Journal of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2017;(24(273)):15–26. (In Russ.)]
11. Rogova E.V. [Criminal misconduct in the system of intersectoral protection of public relations]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2021;22(3(85)):245–252. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).245-252. (In Russ.)]
12. Ter-Akopov A.A. [Protection of the individual is a principle of criminal law]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya ugolovnoi politiki i ugolovnogo zakonodatel'stva = Current trends in the development of criminal policy and criminal legislation*. Moscow: IGIP RAS Publishing House; 1994. (In Russ.)]
13. Shesler A.V. [Types of criminally unlawful acts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta =*

университета.
DOI: 10.17223/15617793/466/31.

2021;(466):255–260.

Bulletin of Tomsk State University. 2021;(466):255–260.
DOI: 10.17223/15617793/466/31. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асланян Руслан Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan G. Aslanyan

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law and
Criminology of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>